

Шипилов А.В. «Свои», «чужие» и другие. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 568 с.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 07-03-16005

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор А.Л. Доброхотов,
доктор исторических наук, профессор Н.В. Романовский

АННОТАЦИЯ

Монография посвящена исследованию исторической динамики определяющих социальную идентичность оппозиций «свои – чужие» и «высшие – низшие». По мнению автора, фундаментальное социально-психологическое противопоставление «мы – они» в национально-демократических обществах реализуется в доминирующем варианте «свои – чужие», а в сословно-авторитарных обществах – в варианте «высшие – низшие». При этом толерантность в рамках одной оппозиции прямо пропорциональна интолерантности в рамках другой, и они взаимно снимают друг друга в статике и сменяют друг друга в динамике социокультурного развития. Этнокультурное равенство исторически обеспечивалось за счет сословно-правового неравенства, когда антагонизм «своих» и «чужих» уступал место антагонизму «высших» и «низших», и именно это, считает автор, ожидает евроамериканский мир в среднесрочной перспективе.

Для социологов, политологов, историков, культурологов, философов.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ТЕОРИЯ	9
1.Этологические аспекты	14
2.Психологические аспекты	21
3.Социологические аспекты	50
4.Этноисторические аспекты	89
5.Политологические аспекты	135
6.Выводы и гипотезы	151
ИСТОРИЯ	177
1.Архаическая Греция	179
2.Классическая эпоха	218
3.Кризис полиса	287
4.Эпоха эллинизма	341
5.Эллины и Рим	395
ПРОГНОЗ	437
1.Национальное государство:начало конца	442
2.Новое неравенство:от классов – к сословиям??....	451
3.Прошлое как модель будущего	463
4.Судьба демократии	495
5.От «своих и чужих » – к «высшим и низшим »	506
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	516
ПРИМЕЧАНИЯ	518
ЛИТЕРАТУРА	552

ВВЕДЕНИЕ

Tempora mutantur. Времена меняются, но меняемся ли мы вместе с ними? Ситуация нашего времени невольно вновь и вновь заставляет вспоминать старый тезис о повторяемости истории, которая никого ничему не учит, но неопровержимо свидетельствует об ущербности или, как сказали бы раньше, греховности человеческой природы. События в переходный между двумя столетиями период все больше развиваются по той же логике, по которой они развивались на рубеже Нового и Новейшего времени. В конце XIX века большинство людей тогдашнего «цивилизованного мира» были уверены, что мировая история наконец-то вышла на столбовую дорожку прогресса, и насилие, угнетение, невежество и фанатизм становятся достоянием прошлого. Но прошло всего несколько лет, и тот самый «цивилизованный мир» был ввергнут в хаос страшных войн и революций, похоронивших старую Европу парламентского либерализма и позитивистского рационализма. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. тоже было модным рассуждать о «новом политическом мышлении», «диалоге культур» и даже «конце истории», о том, что на смену «холодной войне» идет своего рода «горячий мир», пронизанный духом плюрализма, толерантности и чуть ли не христианской любви. Однако события разворачиваются скорее по сценарию С. Хантингтона и З. Бжезинского, чем А. Швейцера и В. Библера; сегодня мы оказались в мире, стоящем на пороге войны и уже, кажется, готовом этот порог переступить. Хотелось бы верить, что это всего лишь поверхностная аналогия, что, тем не менее, не освобождает нас от обязанности анализировать, пытаться понять, почему людьми раз за разом на протяжении веков и тысячелетий овладевают нетерпимость и агрессия, и почему еще не родилось поколение, которому не пришлось бы пережить войну или революцию, или же то и другое вместе.

Почему любое *Мы* стремится противопоставить себя *Они*? Почему другие люди воспринимаются нами как *Другие*? Почему утверждение своего означает отрицание «чужого»?

Автор не первым пытается ответить на эти вопросы, и уж конечно, не он первый их ставит; речь идет не о приоритете, а о попытке рассмотреть проблему «свои – чужие» не менее детально, но более системно, нежели это обычно практикуется. Объяснить нечто – значит либо представить феномен как частное проявление общей закономерности, либо проследить его происхождение, а лучше всего совместить то и другое в пределах синтетического структурно-эволюционного подхода. Правда, сказать это легче, чем

сделать: генерализация и индивидуализация, номотетика и идеография, системный анализ и изучение генезиса не всегда уживаются друг с другом в рамках одного исследования. Тем не менее, следует стремиться к тому, чтобы структуралистская и эволюционистская объяснительные стратегии не конфликтовали, а взаимно усиливали друг друга и само исследование в целом.

При этом встает вопрос о дисциплинарной или, скорее, жанровой принадлежности исследования: чередуя возгонку закономерностей из фактов и растворение первых последними, мы оказываемся между Сциллой абстрагирующей социологии и Харибдой реконструирующей истории. Но история без социологии – хроника, социология без истории – логика, и между Нестором и Луманом мы выбрали бы Вебера; при существующем положении дел, когда по социологии уже не бродят призраки Большой теории, а историки убеждают себя и других, что реконструкция – это конструкция, задача жанровой идентификации работы существенно облегчается возможностью сослаться на введенное не нами понятие «историческая социология». Новое – это хорошо забытое старое, и междисциплинарные исследования, в сущности, ориентированы на классику социальных мыслителей додисциплинарной эпохи, когда Вико или Гиббону не требовалось выбирать между историей, социологией, социальной философией, социальной психологией, социобиологией, этнологией, политологией, конфликтологией и т.д. и т.п. вплоть до какой-нибудь паркинсоновской «ультрадуплексподкомиссологии». Конечно, возвращение в допозитивистскую невинность невозможно, и утраченная радость писать без сносок и «обоснования актуальности темы исследования» осталась в прошлом, но и сейчас наука вовсе не ограничивается умением сочинять схолии к маргиналиям на примечания к пояснениям и обязанностью являть «варварский лик специализации» при каждом удобном и неудобном случае. Кажется, что наука, особенно социально-гуманитарная, вообще возвращается не только в допозитивистское, но и в допросвещенческое состояние (по крайней мере, в своих взаимоотношениях с обществом), прогрессирует/регрессирует к унитивно-универсальному «знанию», и пещья о соблюдении дисциплинарной чистоты в этой постнеклассической ситуации становится анахронизмом.

Более или менее определившись с жанром, следует сказать несколько слов о стиле. Что лучше убеждает – эрудиция или красноречие? Что обладает большей доказательной силой – силлогистика суждений, статистика данных, репрезентативность примеров? Квантитативный, квалитативный или имагинативный характер должна иметь верификация выдвигаемых гипотез?

Как правило, больше всего убеждает то, что меньше всего знаешь, и наоборот: статистические сводки вызывают доверие у тех, кто никогда их не составлял, а тот, кто работал с архивными документами, может обоснованно иронизировать по поводу веры профана в «источники». В этом отношении нам также хотелось бы пройти где-то ближе к середине между наивным реализмом и искусственным релятивизмом, между тем, что продуктивно, но неверно, и тем, что верно, но не продуктивно, между необоснованным знанием и обоснованным незнанием. «Мера – лучше всего», говорил мудрец Клеобул: историческая социология должна иметь собственный центр тяжести, не склоняясь ни к археологии, ни к эпистемологии, не пугаясь социального конструктивизма и не насмехаясь над простодушным эссенциализмом. Ее идеал – идеальный тип, она фактически конструирует, но не конструирует факты, она равно любит цифровые выкладки и риторические фигуры; впрочем, автор, не имея ученых степеней ни по истории, ни по социологии, и используя понятие «историческая социология» в качестве вполне условного жанрового определения предлагаемой вниманию читателя работы, в одних частях более социологичной, в других более историчной, высказывает здесь только собственное мнение.

Конечно, научность – не синоним истинности, тем более, что сами ученые, колеблясь под бесконечно растущим грузом учености, все больше склоняются к мнению, что истина суть то, что считает таковой большинство обитателей данного хронотопа. Для того, кому корреспондентская теория истины кажется безрассудной, а конвенциональная – бессовестной, остается истина когерентная как плод искусства сводить концы с концами: пусть Шпенглер пользуется фактами, как художник красками, а Гумилев эпатирует публику удивительным умением «извлекать информацию из молчания источников», но дело свое они знают. Чтобы, подобно Цицероновым гаруспикам, быть способными глядеть друг на друга без смеха, нынешним ученым требуется порядочность ремесленника, представляющего на цеховой суд свой *chef-d'oeuvre*. Правда, это не исключает склонности к провокации в ее этимологическом значении, когда конечной инстанцией становится не арбитр, а зритель; но даже если наука не более чем игра, в нее надо играть честно и, по возможности, красиво. Эстетический критерий истины не лучше, но и не хуже иных, и если мысленный взор читателя будет привлечен предлагаемой автором конструкцией, тот сочтет свою цель достигнутой. Задача писателя – озадачить читателя, не вразумить, а изумить, ибо удивление есть начало познания, которое, конечно, приносит печаль, но зато дарует

свободу: я стремлюсь побудить вас к самостоятельному размышлению над поставленными в этой книге проблемами, ибо только так мы можем приблизиться к их решению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, совокупность представленных на страницах этой книги историко-социологических анализов позволяет автору высказать мнение о том, что антагонизм «своих» и «чужих» преходящ – на смену ему всякий раз приходит антагонизм «высших» и «низших». Приходит он и на этот раз, неся с собой усиление социальных и ослабление национальных противостояний, так что сегодняшние вспышки этно-расово-конфессиональной нетерпимости представляют собой не что иное, как лебединую песнь западной демократии. Этнокультурное равенство вполне достижимо, но за счет сословно-правового неравенства, и что в начале XXI века звучит как прогноз, в начале XXII века скорее всего будет уже констатацией.

Следует с этим бороться или к этому необходимо стремиться? Трудно сказать. Быть свободным гражданином хорошо, а благородным дворянином – еще лучше; однако не менее вероятен и иной вариант – не имея сегодня власти, завтра превратиться в собственность, ибо чаще всего у того, кто имеет, приумножается, а у того, кто не имеет, отнимается и то, что имеет. В любом случае, речь идет не о добре и зле, а об одном добре и зле и другом добре и зле – наш выбор богаче, чем обычно представляется, и мы можем выбрать все, кроме отказа от выбора. Пути истории неисповедимы, и несомненной истиной о ней может быть лишь таковое по определению: движение предполагает изменение. Мы свободны как раз настолько, чтобы осознать эту необходимость, проистекающую не из Фатума, но из Логоса. Речь не о судьбе, а о логике: мы не знаем, что произойдет, но знаем, что произойдет – пока небеса не свернут как свиток, неизменным под ними остается лишь изменение. Не обязательно принимать историцизм для того, чтобы понимать историзм: выпав из мифологии, человек попал в историю, и как бы ни хотелось ему вернуться, он вынужден идти вперед. И как раз для того, чтобы понять, что ждет нас впереди, я попытался нащупать в социальной истории определенную закономерность, которая может быть сформулирована так: развитие социальной системы представляет собой смену внешнего различия и внутреннего тождества – внутренним различием и внешним тождеством, и наоборот; иначе говоря, демократия и авторитаризм, гражданское равенство и сословное неравенство, определение социальной идентичности в категориях «свой – чужие» и в категориях «высшие – низшие» циклически чередуются друг с другом.

Конечно, это описание/объяснение не является ни абсолютно новым, ни единственно возможным; это одно из многих *propter hoc*,

какие можно предложить, основываясь на формальной логике и некотором знании истории. Профессиональные объяснители – философы и ученые, вообще склонны субъективировать предикаты, обращать атрибуты в субстанции, качества в сущности и производные в производящие; так и любая закономерность из абстрагированной случайности случающегося может быть превращена в демоническую в этимологическом смысле слова силу, в гордом одиночестве «определяющую» движение бытия. Но даже если повысить в ранге приглянувшуюся связь явлений (объективную, необходимую, повторяющуюся, внутреннюю, существенную и т.д. и т.п.) до понятия Закона, не следует превращать его в идол; это всего лишь инструмент, с помощью которого мы пытаемся сделать реальность если не более комфортабельной, то хотя бы менее пугающей. Наше «понять», в котором звучат и «поймать», и «обнять», есть попытка так или иначе обезопасить себя от шевелящегося хаоса бытия, набросить на него покров понятия, дабы успокоиться; а спокойнее всего человек себя чувствует, предписав миру закон, нарушение которого карается игнорированием. Но сколько бы мы не пытались не замечать то, что нам не нравится, оно уже заметило нас, и лучше подготовиться к неизбежной встрече заранее, приведя в порядок и обновив свой арсенал понятий, теорий и методов.

В этой ситуации я могу надеяться, что и мои скромные усилия не окажутся лишними; наверное, не все мне удалось объяснить, но я все же постарался напомнить: *tempora mutantur* – времена меняются.